

Различие науки и искусства по предмету состоит в том, что наука имеет дело с некоторыми общими свойствами явлений, которые онтологически константны; искусство же ориентируется на индивидуальные, изменчивые особенности вещи. Так, наука рассматривает человека вообще или коня вообще в отличие, скажем, от искусства медицины, которое имеет дело с человеческим телом и присущими ему у каждого индивида особенностями. Поэтому одно и то же лекарство (произведение медицинского искусства) одному человеку помогает, а другому нет. И такова ситуация «в отношении всех искусств» (Ibid. III. 9).

«Наука рождается от мышления и ума», т. е. от познавательных сил души, по сущности своей «разумных» и ориентированных на «всеобщее» знание. Она утверждает, например, что точка неделима, а бог благ и т. п., т. е. то, что не требует доказательств, что для всех очевидно (Ibid. III. 28). Напротив, искусство оперирует отнюдь не однозначным и бесспорным знанием. Оно возникает при непосредственном участии, как разумной силы — мышления, так и вне разумных — воображения и мнения, которые, однако, тоже действуют в нем под сенью логоса (Ibid. III. 8; 27). «Искусство тем отличается от науки, — делает окончательный вывод Влеммида, — что искусство возникает из сопряженных с логосом мнения и мышления, а наука — из мышления и ума» (Ibid. III. 29). К искусству, таким образом, причастны как разумные, так и вне разумные силы души, и оно имеет отношение как к всеобщему, так и к частному (частичному) знанию.

Из рассмотренной главы «Краткой логики» Влеммида видно, что интерес к теоретическому осмыслению искусства достиг у византийцев XIII в. очень высокого уровня, что искусство с уровня ремесла, который оно достаточно прочно занимало в античности и раннем средневековье, теперь переносится в сферу гносеологии (особого способа знания) и что, наконец, на теоретическом уровне осознается связь искусства как с разумными, так и с «неразумными» силами души — «воображением» и «мнением». Все это крайне важные в историко-эстетическом плане явления. {418}

Из всех искусств гуманисты поздних периодов византийской культуры (Никейской империи и палеологовской эпохи) наибольшее внимание уделяли искусству слова во всех его формах. Не меньше, чем красноречие, о котором уже шла речь, они ценили искусство историка, занимались поэзией и пытались осмыслить ее, не были забыты ими и филологические штудии, возникшие в Византии еще в предшествующий период.

Византийские историки с какой-то особой настойчивостью утверждают античный принцип правдивости историографии, что побуждает читателя заподозрить их в перенесении этого принципа из плоскости научной в плоскость искусства. Тем более что эти плоскости, как мы видели на примере теории Влеммида, имели в то время значительно больше точек соприкосновения, чем теперь.

Гуманист следующего поколения Никифор Григора возводит искусство историографии на самую высокую ступень. Он убеждает читателей, что рукой историка водит сам Бог, и поэтому его сочинения почти ничем не отличаются от величайших творений Бога — неба и земли. Поэтому историков Никифор ценит выше сочинителей комедий и трагедий (Greg. I. 1. P. 4—6).

Истина и для Григоры — главный предмет истории. Но труд историка не только кропотливое собиранье и описание фактов, событий, деталей. Григоре отнюдь не чужда идея древних мудрецов об идеализаторских приемах историков, в которых они уподобляются живописцам. Хорошие же живописцы, утверждает Никифор устами Андроника Палеолога, «если и есть в оригинале какой-либо природный недостаток — меньше или больше надлежащего как-нибудь часть тела, — стремятся изобразить на портрете не все в точности; они где-то прибавят для большего сходства, а где-то убавят, чтобы природный недостаток не бросался в глаза постоянно и не давал повода насмешникам острить и смеяться» (Ibid. P. 11). Известный со времен античности эстетический принцип идеализации Григора переносит с изобразительных искусств на историографию, для того чтобы и его поставить на службу истине. Идеализация осмысливается им здесь не как приукрашивание истории, а как прием, направленный на устранение из картины действительности того, что может отвлечь внимание воспринимающих ее от главного в ней, т. е. может помешать пониманию правды истории. Сам он, однако, не увлекается этим принципом и стремится, по его заверению, излагать события как можно точнее (Ibid. P. 13).

Гуманисты последнего периода византийской культуры задумывались над многими проблемами, имеющими прямое или косвенное отношение к эстетике. Так, Феодор Метохит